

Большеви́стская революция путём страшных насилий освободила «народные силы, призвала их к исторической активности, в этом её значение».

Н.А. Бердяев

Новостная лента интернета преподносит статью о большевистской продразвёрстке. Вот и её столетний юбилей пришёл. Ну и как теперь предлагают толковать тот политико-экономический процесс?

Я задумываюсь, сколько же на мою маленькую жизнь выпало политической «болтанки» в истории нашей страны? Простите за грубое слово, но думал-думал и не мог придумать, чем политкорректным заменить его. Ну, никак по-другому не назовёшь резкие изменения отношений и оценок некоторых правительственных действий и исторически значимых личностей, как только «болтанкой». Что первое в этой цепи переменных ветров запомнилось? В день объявления о смерти Отца народов я простоял целый урок за партой. Учительница, не предлагая мне сесть, рассказывала о детях в Гори, одноклассники смиренно поглядывали на идиотика (это моё теперешнее определение), выразившего поддержку всенародной скорби. Уже после моего траурного стояния в классе по стране прошли митинги сплочения советских людей вокруг родной коммунистической партии со словами глубочайшей благодарности Великому вождю. Через три года я написал корявый пафосный стих о Заразе Сталине и его друге Берии. И этот стих был в русле всенародного настроения. Я искренне разделял со всем советским народом радость от открытой нам дорогим Никитой Сергеевичем оттепели, и вместе с тем же народом клял его в очередях, от которых мы успели отвыкнуть, за хлебом осенью 1963 года. А весной того же года я писал курсовую работу о несчастной судьбе американских фермеров, за что получил пять баллов в зачётку, не сда-

вая экзамена. И в то же время в русских деревнях, что я видел сам, встречались избы, по убожеству своему не уступавшие некоторым дореволюционным сельским жилым строениям, если верить тогдашним публицистам, фотографиям и картинам передвижников. Мы посмеивались – чаще добродушно, – но всё ещё надеялись на приход светлого времени, а пришли к реальным пустым полкам. И, как будто под гипнозом, принимали уверенные успокаивающие объяснения ответственных товарищей о причинах очередного крутого поворота. Перечислять те резкие колебания температур от оттепели до заморозков – скучно. Кто захватил то время, тот многое может припомнить сам. Например: «не читал, но осуждаю; не читал, но приветствую». Из последних примеров смены отношения управляющего общественным мнением центра можно привести оценку царю Александру III. Двадцать лет назад упоминание его знаменитой фразы передовая постперестроечная «интеллигенция» клеймила маргинальностью, а теперь в стране ставят ему памятники и повторяют не только на форумах и ток-шоу его слова о союзниках России. Наконец, умнеем, трезвеем?

Да, а что вспоминается по поводу продрозвёрстки восемнадцатого-двадцатого года? В школе и институтах нас пламенно убеждали в мудром решении партии, оправданном временем, отобрать излишки результатов труда земледельцев для прокорма рабочих и солдат революции. Когда военный коммунизм выполнил свою задачу, партия приняла опять мудрое решение о введении в жизнь новой экономической политики. Потом оказалось, что жесточайшее давление продотрядов и войск настолько озлобило оголодавших крестьян, что ленинскому мудрому правительству пришлось срочно (временно, конечно) отступить от программы беспрекословного подчинения народа «пролетариату». Проздрозвёрстка оказалась перегибом.

И вот в столетие «мудрого» (в многочисленном ряду подобных) перегиба находятся защитники того проекта, утверждающие, что без осуществления его имевшимися тогда методами России пришлось бы исчезнуть. Мера непростая, неприятная и морально дорогостоящая. Но большевики вынуждены были на неё пойти для спасения Советской власти. (Только вот неразумные крестьяне думали: ладно, уж, мы не против Советской власти, но нам бы её без гарнира...)

Тогда, чтобы не исчезла Россия, Декретом Совнаркома от 9 мая 1918 года введена уже советская продрозвёрстка. По сути, ничего нового большевики не открыли – то же самое вводили и год

назад, они только увеличили массу участников противоборства. А через две недели товарищ Ленин обращается к рабочим с письмом «О голоде».

Представляете: в страшном напряжении на пределе нервного истощения, пылая праведным гневом он вышагивает от окна к двери, от двери к окну... Одна рука у него в кармашке жилета, вторая рука рубит воздух. Ленин сочиняет письмо. В этом письме обязательно нужно напомнить народу, что власть рабочих осуществляет коренное начало социализма – кто не работает, тот да не ест. Деревенские богатеи, нажившиеся на спекуляции, сваливают вину за голод на Советскую власть. Нет, так не пройдёт, как хотят защитники кулака, – кадеты, правые эсеры, меньшевики... И ни в коем случае не принимать советы бесхарактерных левых эсеров повысить твёрдые цены на хлеб... Так ведь, если сбросят буржуи Советскую власть, то придёт русско-японский Корнилов, который принесёт народу 16-ти часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках... Надо организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов, запретить всякую торговлю хлебом, обязательно сдавать все излишки... Беспощадно расстреливать всякого спекулянта хлебом... Велико то дело уничтожения гнёта и эксплуатации, за которое мы боремся. Это будет сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь порывом – восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского...

Воодушевлённые письмом вождя рабочие Питера поехали отбирать излишки, вооружившись винтовками и брошюрами с работами Ленина по крестьянскому вопросу.²

Я рассматриваю в старом журнале фотографию 1918 года из журнала «Огонёк»: «Продотряд отправляется в деревню». Запечатлена, наверное, переключка перед командой: «По вагонам!» Слева симпатичное лицо честного человека лет 20 – 22, как и все остальные люди стоящего в шинели и фуражке. Он смотрит несколько насуплено мимо объектива вдаль и скорее всего думает: «занесла меня нелёгкая!» Рядом с ним человек, единственный не в фуражке,

---

² Никто из них не взял для обмена на хлеб хотя бы косу, чугунок, килограмм гвоздей или другое, очень нужное в хозяйстве на деревне промышленное изделие. Собрались отбирать у земледельцев «излишки» хлеба, не задумываясь над тем, что у большинства сельских жителей ведущим рискованным хозяйством излишки – это запас на непредвиденный случай, чтобы не плестись потом голодными за хлебом в город, что и устроили наследники Ленина с 29 по 64 годы.

а в какой-то шапке цилиндром. По моему мнению, он уже набрался опыта на большой ссыльной дороге. В центре командир с листком в руке – сухощавый, стройный, закалённый на баррикадах 1906 года рабочий-коммунист. Справа двое мальчишек, растерянно смотрящих на фотографа. О чём они думают, – трудно предположить.

Примерно так происходил отъезд В.А. Потапенко (1899–1983), автора книги «Записки продотрядника», на юг за хлебом для страдающего пролетариата.

Знаменем продразвёрстки стали слова Ленина: «Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского – Советского – переворота состоит в том, что передовой рабочий, как руководитель бедноты, как вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства труда, “пошёл в народ”» (5-е изд. Т 36, с. 363).

Что на практике получилось? Призывали прекратить войну! С Германией! Но не дать затухнуть войне в России.

Так начался новый этап хождения в народ. Помните, первый происходил, когда недоучившиеся студенты с благородными целями в 1860-70-е годы пошли в народ, а их, незваных, из народа просто попёрли. Тогда вред та молодёжь нанесла только себе. А в 1918 году в деревню ринулись уже по призыву молодой власти с другими намерениями.³

Что же пишет продотрядник о своём тернистом жизненном пути? Издана его книга в 1973 году, сами понимаете, издана, когда границы, дозволенные «Кратким курсом» по существу никто не отменял и за идеологическим порядком в стране внимательно следил незабвенный Михаил Андреевич с многочисленными штатными и нештатными помощниками.

В феврале 1917-го года В. Потапенко громил Александро-Невский полицейский участок в Петрограде и прихватил там «смит-вессон». Состоял в Красной гвардии при заводе «Вестингауз», а что делал руками на заводе, – не ясно. После наущения Ленина отобрать излишки хлеба у крестьян вступил в 8-й Петроградский продовольственный отряд, состоявший в основном из молодёжи в возрасте девятнадцати-двадцати лет. Перед отправкой в воронежскую деревню в сентябре 1918 года проучился две недели на курсах по военной подготовке(!) И только-то? Всё остальное для общения с

---

³ Кстати, партии и правительству понравился приём решения вопросов на селе путём посылки туда городских рабочих и служащих. В коллективизацию послали всяких «тысячников» от станка руководить колхозами, а с 1960-х годов уже постоянно посылали в колхозы полоть, убирать урожай для города студентов, солдат, инженеров и всякую интеллигенцию, от которой, как, наверное, считали, проку на своей работе было мало.

крестьянами он знал? Или больше ничего не требовалось, как только воевать с ними? Вождь в статье «О голоде» ни разу не упомянул коммунистическую мораль, не сказал, чтобы в деревню «строитель государства труда» отправлялся не только с винтовкой и мандатами, но и с нужными крестьянам товарами народного потребления. А по признанию самого Потапенко, он никогда «не жил в деревне, совершенно не знал крестьянского образа жизни». (Вот каждый бы и занимался в «своём образе жизни» производительным трудом).

На Тамбовском базаре он «в другом мире очутился: на прилавках – настоящий, душистый хлеб, горшки с молоком, яйца, сало, овощи. В чугунках дымится картошка. В стороне – возы с мешками, видимо мука. Жмутся друг к другу овцы. Визжат поросята, много кур – жареных, варёных, живых». (Невдомёк пролетариям было, что часто крестьянин нёс на базар то, что сам не ел из-за экономии). Там купил продотрядник «гарбуз» – тыкву, думая, что это арбуз. (Выходит, он ни разу не видел ни того, ни другого? Подлый царизм, моря голодом пролетариат, даже тыкву не завозил в столицу!) Посмеявшийся над ним за покупку вместо арбуза тыквы руководитель отряда задумавшись, подытожил: «как мало многие из нас ещё знают о земле, и как многому нам ещё надо учиться». Так совершенствовались бы каждый в своей профессии и не надо бы хвататься за всё сразу.

В Борисоглебске получил отряд инструкцию – излишки взять силами командированных в содружестве с деревенским активом. Нацелены они были в первую очередь забрать хлеб, собранный с бывших помещичьих земель, так как тот хлеб, по Декрету о земле, являлся теперь общенародной собственностью.⁴ Бедняки стали середняками, получив от Советской власти помещичьи земли. Наша задача, – обратили внимание партработники, – напомнить им об этом. (Значит, по логике, крестьяне за землю должны расплачиваться).

В Воронежскую губернию прибыло продотрядников более тысячи человек, да к ним прибавилось ещё полторы тысячи местных. Какое бы грандиозное производство эти две с половиной тысячи здоровых рабочих и детей кадровых рабочих могли бы наладить для деревни: всякие сеялки-косилки-молотилки-веялки в обмен на хлеб и сало! А они отнимать поехали... Эээх! А ведь понимали люди на местах простую причину возникающей в народе (сразу после освободившей его революции) вражды к большевистской вла-

⁴ Раз общий, подумал, наверное, «малообразованный» крестьянин, значит и мой. Ан нет – показали ему три пальца – в первую очередь (и во вторую, и в третью и т.д.) хлебушек этот принадлежит государству.

сти: «Советы без большевиков!». Один председатель кредитного товарищества, понизив голос, сообщил питерскому продотряднику: «Беда в том, что товаров в кооперации нет. Если бы было всего достаточно, и крестьянин мог бы получить мануфактуру, соль, сахар, керосин, он сам бы повёз хлеб... А то что получается? Сдаст мужик мешок зерна, получит квитанцию, а ему в кооперативе могут дать только один-два аршина мануфактуры да катушку ниток...».

Что, исторический момент нужно учитывать? Разруху в стране? А кто промышленность-то разнёс вместе, кстати, с банковской системой? А кто подзуживал крестьян громить плохо ли, хорошо ли производившие продукцию барские экономии и крепкие крестьянские хозяйства, собиравшие с десятины такой урожай, который колхозники достигли только в пятидесятые годы? Освежите в памяти страницы революционной истории...

Мечты мечтами, а хлеб продотрядам добывать надо было, и расплачиваться за такой хлеб приходилось не мануфактурой, а жизнями. Пришлось проститься со своим соратником и автору «Записок». Вот так он писал о прощании с погибшим: «Лежал в гробу петроградский пролетарий, бескорыстный борец за счастье народное. Его привело сюда стремление добыть хлеб для голодающих рабочих, спасти революцию от гибели. И вот его не стало. У гроба друга я поклялся продолжать дело, за которое он отдал свою жизнь». Рядом с ним стоявший военком потрясённо заявил: «Мы окружены врагами. И они здесь в селе, возле нас, и ждут только случая свести с нами счёты».

Страшно то, что случая ждали не закордонные извечные враги, а свои люди...

Планы сдачи зерна на ссыпные пункты полностью не выполнялись. Тогда решили сначала забирать у крестьян излишки, а что останется после «излишков» – им на прокорм. Крестьяне грозили больше не сеять, им за это обещали отбирать землю. Крестьяне отстаивали свою понятную Правду от непонятной Кривды большевизма. Думали-думали некоторые кулаки, и решили: лучше отдать часть, чем лишиться всего. Забыли, видно, хозяева мудрость народную «коготок увяз – всей птичке пропасть». Скоро те птички в одних портках останутся.

Много рассказывает Потапенко о сборе излишков и отправке их на станции, но не приводит ни одного входящего или исходящего документа, подтверждающего какие либо действия по развёрстке.

Часто упоминается в книге *беднота*, не знающая, как протянуть до следующего урожая. Но нигде Потапенко не указывает,

хотя бы для одного села (из шести сёл закреплённой за его группой волости), сколько же бедняков жило в нём или их долю в населении. Только для одного села он приводит цифры: из всего 3000 человек в активе состояло только 30; а бедняцкий актив или сборный – не указывает.

Судьба продотрядника хранила. Рядом с ним погибали активисты, красноармейцы, его товарищи – спасатели городского пролетариата от голода, – а он счастливо проскочил мимо смертельных угроз и в конце двадцатого года перешёл на работу в Новохопёрский уездный комитет партии. И далее его карьера складывалась успешно. После окончания Воронежского университета работал заведующим историко-партийным отделом обкома. И в 1938 году стало понятно, наконец, для чего его судьба хранила. Ему вменили участие в право-троцкистской организации и осудили на 10 лет ИТЛ. В воспоминаниях он писал: «Всю свою сознательную жизнь я боролся с троцкистско-правым течением. А сейчас меня самого причислили к этому “лику святых”. Кому это нужно?». В 1942 году уже в лагере он был осуждён ещё на 10 лет. По его запискам трудно судить, остался ли он верным ленинцем. Его «Записки продотрядника» – это повесть о походе за хлебом сродни роману «Как закалялась сталь».

В борьбе за выращенный крестьянами хлеб умирали русские рабочие, опора большевиков. А у меня к этим бойцам продотрядов вопрос (в пустоту, конечно): дорогие соотечественники, в 1916 году у вас хлеб был? И постное масло, и сальце? Почему же вы бурно приветствовали свержение царизма? Ах, вы наслушались всяких буреветников, вам «борьбы роковой» захотелось. А надо бы своих родных птичек слушать – жаворонков, ласточек, перепёлочек. Свои не нужны? Захотелось перемен? Вот и проливайте за них кровь, чтобы, в конце концов, российские олигархи стали лучшими в мире олигархами, а «менты» и судьи – самыми честными и непорочными.

А тот руководитель первого в мире государства рабочих и крестьян, посылая рабочих грабить деревню, много лет до этого призывавший к Гражданской войне в России, разве не мог догадаться о том, что процесс «брат на брата» сопровождается голодом? Уж об этом-то он хорошо знал. Подозреваю, и вёл к тому, чтобы девять десятых русских людей погибло, разжигая собой пожар мировой революции. Но, наломав дров для мирового пожара, В.И. Ленин свернул с генерального курса и разрешил в стране «буржуазные порядки» – нэп. По поводу революционной тактики вождя читал я когда-то подходящее сравнение его с водителем автобуса. Захотел

тот водитель, минуя развитой капитализм, сократить расстояние до «счастья пролетариев всех стран» и ринулся к тому счастью по ухабам. Автобус искорёжил, половину пассажиров перебил, почесал лысину и изрёк: «надо было ехать другим путём!».

И вспоминаем мы ту даль теперь добродушными анекдотами об инфантильно-психопатическом характере самого передового бойца за народное счастье. Как в этой «шутке»: встречает Ленин ходяков и обещает им жизнь, при которой они будут есть клубнику в сметане. Крестьяне отвечают отказом от клубники в сметане. Тогда вождь срывается на истерику: «Нет, будете жрать клубнику в сметане, заставим!»

Неужели смысл русского коммунизма состоит в стравливании рабочих и крестьян?

Возьмём те документы, которые фальшивыми не назовёшь: бессмертные труды В.И. Ленина, касающиеся крестьянского вопроса. Первая, всем знакомая цитата: «... учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать» из выступления на восьмом съезде ВКП(б) в марте 1919 года (ВИЛ, псс, т.38, с.201). Потом это «не сметь командовать» тысячи раз повторялось на различных политзанятиях и в выступлениях для характеристики положительных качеств вождя. А вот следующие цитаты вспоминались реже.

На Всероссийском съезде по внешкольному образованию в мае 1919 года вождь пространно растолковывает основы политэкономии, а потом упорно убеждает делегатов в оправданности методов продразвёрстки, потому что: «Крестьянин является полутружеником, полуспекулянтom. ... И мы говорим, что если 60 крестьян имеют излишки хлеба, а десять рабочих голодают, то надо говорить не о “равенстве” вообще и не о “равенстве людей труда”, а о безусловной обязанности 60-ти крестьян подчиниться решению 10-ти рабочих, и дать им, хотя бы даже в ссуду дать, излишки хлеба». (ВИЛ, псс, т.38, с.с. 363, 362). Да, и ещё он подробно объясняет причину недостатка угля и сырья для промышленности тем, что Средняя Азия, Кавказ, Донбасс заняты врагами революции. Уважаемый Владимир Ильич, а почему те территории заняты врагами?

И ещё цитата:

«Своеобразный “военный коммунизм” состоял в том, что мы фактически брали от крестьян все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих. Брали большей частью в долг, за бумажные деньги». Эта цитата

взята из статьи «О продовольственном налоге» 21 апреля 1921 года (5-е изд. Т 43, с. 219). Ну, на армию естественно!, всегда надо брать, а на рабочих за что? За то, что они в городе живут? И называется такое изъятие не «в долг», а «под ей-богу», то есть без отдачи. Самый человечный человек, неутомимый говорун признался в долге, не собираясь его отдавать.

Вспомним вынесенное в эпиграф утверждение Н.А. Бердяева и спросим: а для чего на практике освободили народные силы? Чтобы большая часть этих сил «вылетела в трубу», а оставшиеся ещё силы вместо завоёванной «свободы» получили закабаление унылой мечтой о коммунизме? И сразу отметим, предвосхищая вопросы пропагандистов успехов Советской власти в науке, космосе, балете и т.д., – мужицкие ум и смётку освободить никому не требовалось! Они – ум и смётка – трудились при всех режимах. Забыли? Почитаёте об изобретениях на Руси Великой до семнадцатого года.

Что было, то было. Ни в коем случае забывать имена людей, повлиявших на русскую историю, нельзя.⁵ Но и вылизывать их в угоду «текущему моменту» вредно стране. То и с Лениным. Не в том дело, что он не всем нравится или не всем не нравится, а в том, что его остаётся слишком много. К примеру, на площади в радиусе трёх километров от места моего проживания стоят три его памятника. Кому они в такой концентрации нужны теперь?⁶

«Не раскачивайте лодку, не очерняйте прошлое – скажут (или прикрикнут) мне, – из-за таких, как вы, мол, теряется относительная устойчивость в движении к светлой *перспективе!*»

Да не уверен я в том, что реальное, а не мифическое предствление занявших навсегда место в истории деятелей нанесёт какой-то урон престижу государства. А вот действительный вред от положительных или отрицательных мифов о людях, определённо жестоких, по убогости мысли или откровенно преступному

⁵ Разве можно забыть их мастерство в кройке и шитье государственных границ! Вечная им слава, слава веееееч-на-яаяяааа...

⁶ Питерский мыслитель В.И. Чернышев в книге «Любовь как всемирное притяжение» пишет: «Ильич обзывал своих противников проститутками, иудушками, поповствующими, нечистью – но кто из нас может так же сказать о нём? Хотя теперь известно, что этот вождь был одним из самых жестоких людей двадцатого столетия, превзойдя паранойей и Сталина, и Гитлера».

Восславляющие его люди не знают об этом или, зная, лицемерят? Или жестокость Ильича тоже в ряду мифов о нём, не имеющих фактического основания? Ну, а если посмотреть на него в сравнении с богами? Сентиментальных среди богов ведь не было, кажется... Так и он, может быть, – Бог?

замыслу натворивших всяческих «чудес», – обеспечен. Протоиерей Димитрий Смирнов по поводу настырного насаждения таких мифов думает, что «...если страна утыкана памятниками главному террористу двадцатого века – Ленину... это делает воздух в стране мерзопакостным». (Да не только от него воздух такой, к сожалению... Чучел и без него хватает!)

Поддержку священника в отношении к многочисленным, часто не представляющим художественную ценность, образам вождя. Зачем столько памятников установлено там, куда вождь мирового пролетариата не только пописать не забегал, но и писем не писал? Ну, оставьте – от прошлого никуда не денешься – по одной его скульптуре в тех поселениях, где он пребывал значительное время, и – хватит. И хватит долдонить о всемирном прогрессивном значении человека, призывавшего к насилию для достижения счастья тех людей, которые останутся нетронутыми насилием. Сколько их останется?

Губернатор Санкт-Петербурга Г. Полтавченко вернул 16.06.2017 года нескольким улицам в Колпино исторические названия. Улицы Урицкого теперь не будет. А вот проспект Ленина не переименовали. Интересно, а были бы в истории всякие урицкие без Ленина?

И в заключение о крестьянстве. Долго оно мучилось из-за неразберихи в отношениях с дворянами. Освободились от крепостной зависимости. Начали расправлять плечи, а тут общинное землепользование стало мешать повышению производительности труда. Пришлось правительству предложить крестьянам делить землю на отруба, хутора. Местами возникло недовольство народное. Сторонники старых устоев и просто завистники доходили до убийства пропагандистов выделов и успешных хуторян. К 1921 году страсти поутихли, и трудоспособные, дельные хозяева стали поправляться. В 1929 г. земля из дворового пользования переходит в колхозную. 1990-е годы на бумаге вернули народу право на земельные доли, но выделить их в натуре мало кому удалось. Земля, в основном, перешла правдами-неправдами крупным хозяйственным образованиям. Что произошло с большинством русских деревень, вы узнаете, если покликаете об этом итоге в интернете...